

водкой молодечеством бросают семьи, садятся в вагоны и беспрекословно катятся туда, где, как они знают, в тяжелых мучениях погибли десятки тысяч таких же, как они, свезенных туда в таких же вагонах, людей. И навстречу им катятся тысячи изуродованных калек, поехавших туда молодыми, целыми, здоровыми.

Все эти люди с ужасом думают о том, что их ожидает, и всетаки беспрекословно едут, стараясь уверить себя, что это так надо.

Что это такое?

Зачем люди идут туда?

Что никто из этих людей не хочет делать того, что они делают, в этом не может быть никакого сомнения. Все эти люди не только не нуждаются в этой драке и не хотят участвовать в ней, но не могут даже объяснить себе, зачем все это делается, — но никто в мире не может объяснить этого, потому что разумного объяснения этого дела нет и не может быть *никакого*.

Положение всех людей, участвующих в этом деле и смотрящих на него, подобно тому, в котором были бы люди, из которых одни сидели бы в длинном караване вагонов, катящихся по рельсам под уклон с неудержимой быстротой прямо к разрушенному мосту над пропастью, а другие беспомощно смотрели бы на это.

Люди, миллионы людей, не имея к этому никакого желания, ни повода, истребляют друг друга и, сознавая безумие такого дела, не могут остановиться*. *)

Так писал Лев Николаевич больше десяти лет тому назад. Но, может быть, найдутся такие наивные люди, которые скажут: да, это было писано относительно русско-японской войны, которая, действительно, была бессмысленна и не пользовалась никакой популяр-

*) „Единое на потребу“ — стр. 3, 4.